

An impressionistic painting in shades of blue, green, and white. It depicts a woman in a light-colored dress sitting in a garden, looking towards the right. The background is filled with dense foliage and flowers. The overall style is soft and painterly.

ВЯЧЕСЛАВ
ФАРИТОВ

•

ИДЕЯ ВЕЧНОГО
ВОЗВРАЩЕНИЯ
В РУССКОЙ
ПОЭЗИИ

ХІХ-начала XX веков

•

Вячеслав Фаритов

**Идея вечного возвращения
в русской поэзии XIX
– начала XX веков**

«Алетейя»

2018

УДК 111
ББК 87.21

Фаритов В. Т.

Идея вечного возвращения в русской поэзии XIX – начала XX веков / В. Т. Фаритов — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-906980-55-7

Монография посвящена исследованию идеи вечного возвращения (die ewige Wiederkunft) Ф. Ницше в русской поэзии XIX – начала XX века. Исследование выполнено на стыке философии и литературоведения. Монография адресована философам, литературоведам, культурологам и всем интересующимся философией и художественной литературой. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 111
ББК 87.21

ISBN 978-5-906980-55-7

© Фаритов В. Т., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

Предисловие	6
Введение	11
1. Философские аспекты идеи вечного возвращения	12
2. Идея вечного возвращения в художественной прозе	18
3. Идея вечного возвращения в поэзии	20
4. Идея вечного возвращения в русской поэзии	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вячеслав Тависович Фаритов
Идея вечного возвращения в русской
поэзии XIX – начала XX века

© В. Т. Фаритов, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Предисловие

Моей жене Наталье посвящается

Sie spielten am Meere, – da kam die Welle und riss ihnen ihr Spielwerk in die Tiefe: nun weinen sie. Aber dieselbe Welle soll ihnen neue Spielwerke bringen und neue bunte Muscheln vor sie hin ausschütten! So werden sie getröstet sein; und gleich ihnen sollt auch ihr, meine Freunde, eure Tröstungen haben – und neue bunte Muscheln! –

Nietzsche F. Also sprach Zarathustra

*И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный.
И ясные, как радость, небеса?
Утихнет ли волнение жизни бурной?
Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Душой уснуть на лоне мирной лени?*

А. С. Пушкин. Кто видел край, где роскошь природы...

Пушкин – не просто гениальный поэт, создавший русскую литературу и русский литературный язык. Пушкин – это судьба, путь, по которому еще предстоит долго идти вперед. Как отмечает, например, В. В. Розанов: «Путь, пройденный Пушкиным в его духовном развитии, бесконечно сложен, утомительно длинен. Наше общество – до сих пор Бог весть где бы бродило, может быть, между балладами Жуковского и абсентизмом Герцена и Чаадаева, если бы из последующих больших русских умов каждый, проходя еще в юности школу Пушкина, не созрел к своим 20-ти годам его 36-летней, и гениальной 36-летней, опытностью. И так совершилось, что в его единичном, личном духе Россия созрела, как бы прожив и проработав целое поколение».¹ Но путь Пушкина является судьбоносным не только для России. Пушкин – это судьба для всего человечества. Уже в конце XX столетия А. Шнитке скажет: «Пушкин – в центре человеческой души. Как в многомерном кресте встречаются полюса и нет замкнутости – так и в фигурах запредельных, подобных Пушкину, выражено все идущее от человека и все идущее к человеку. Конфликтующие душевные миры примиряются под лучами этого нравственного солнца, все их разногласия меркнут».²

Как и Пушкин, Ницше по своей значимости превосходит отдельную, в данном случае, европейскую культуру. Осмысление этого факта мы находим не в самой Европе, где в лице М. Хайдеггера философия Ницше была представлена как всего лишь завершение западной метафизики. Значимость Ницше была понята более глубоко как раз на родине Пушкина: «И Кант, и Гете, и Шопенгауэр, и Вагнер создали гениальные творения. Ницше воссоздал новую породу гения, которую не видывала еще европейская цивилизация. Вот почему своей личностью он открывает новую эру. Анализируя произведения Ницше, мы усматриваем в них все черты гения старого типа; но сквозь эти черты, как сквозь маску, в нем просвечивает и еще что-то, неведомое европейцам. Это «что-то» и есть загадка, которую он предлагает передовым фалангам европейской культуры. И над нашей культурой образ его растет, как образ крылатого Сфинкса. *Смерть* или *воскресение*: вот пароль Ницше. Его нельзя миновать: он – это мы

---

¹ Розанов В. В. А.С. Пушкин [Электронный ресурс]: Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/pushkin/rozanov_pushin.html

² Ивашкин А. В. Беседы с Альфредом Шнитке / А. В. Ивашкин. – М.: Классика XXI века, 2003. – С. 207.

в будущем, еще не осознавшие себя».³ 29 июня 2017 года в Самаре на конференции «Диагностика современности: глобальные вызовы – индивидуальные ответы» профессор В. А. Конев отметил: «Ницше – первый шаг к той культуре, которая грядет в XXI веке».

Важным жизненным обстоятельством, повлиявшим на становление как русского поэта, так и немецкого мыслителя, является обучение в элитарных заведениях закрытого типа. Пушкин получил свое образование в Лицее в Царском Селе, Ницше – в знаменитой Пфорташуле. Оба заведения отличались казарменными порядками: «Лицеисты просыпались в шесть утра под звук колокола, в спешке умывались и, облачившись в учебную форму, состоявшую из синих панталон и синего же редингота с красным воротничком, спускались на общую молитву в зал. Классы начинались в семь утра и продолжались до девяти, затем лицеисты пили чай и отправлялись на прогулку. С десяти часов классы возобновлялись; в полдень лицеисты снова шли на прогулку, в час – на обед. С двух до трех давался урок либо каллиграфии, либо рисования; с трех до пяти – вновь различные занятия. В пять часов чай, в шесть – прогулка, потом – повторение уроков или вспомогательный класс».⁴ А вот распорядок Пфорташуле: «Учеников поднимали в четыре часа утра, к пяти им следовало привести себя в порядок; занятия начинались в шесть и продолжались в той или иной форме до полудня. Они возобновлялись в 1.15 пополудни и длились до 15.50. Вечером проводились еще какие-либо занятия; отбой давался в 21.00».⁵ В обоих учебных заведениях приоритет отдавался гуманитарному знанию и нравственному воспитанию. В Лицее: «Образование предусматривалось общее, без специализации, но с преобладанием гуманитарных наук. «Нравственные науки» должны были стать в Лицее основными».⁶ В Пфорте: «Основной интерес Пфорташуле лежал в области греческого языка и латыни и несколько в меньшей степени в сфере немецкой классики. По свидетельству Рихарда Блунка, школа была поистине миром книг: ученики вдыхали воздух не современной Европы, а Древней Греции и Рима, а также Германии времен Гете и Шиллера».⁷

И Пушкин и Ницше будут до последних своих дней обращаться к школьным годам как истоку их жизненного пути. Дальнейшая судьба окажется не столь благоприятной для двух величайших гениев человечества. Оба будут вести жизнь «изгнанников, скитальцев и поэтов» (М. Волошин). Значительную часть жизни Пушкин проведет во всевозможных ссылках. Лишь под конец он достигнет берега: женится, получит покровительство императора и перспективы карьерного роста. Но это и будет началом конца, за которым последует гибель. Ницше двадцати четырех лет от роду получит место профессора в Базеле, но через семь лет оставит преподавание и до умопомрачения в 1889 году будет скитаться по различным городам Германии, Италии и Швейцарии – без дома, без семьи. И Пушкин и Ницше погибают трагически, не дожив до старости и не воплотив всех своих замыслов. Оба уходят, не сказав своего последнего слова, оставив множество планов, черновиков и набросков. Но и сделанного было достаточно, чтобы поставить задачу на несколько столетий вперед. Русская литература и философия будут разрабатывать и осмыслять различные грани пушкинского наследия. В европейской, а также русской философии и литературе на базе ницшевских идей будут возникать целые направления и течения. И на сегодняшний день процесс осмысления и проживания наследий Пушкина и Ницше отнюдь не приблизился к своему завершению. Скорее, напротив, мы стоим только в начале этого пути. И дело здесь не только в преждевременном обрыве творческой жизни двух гениев. Задачи, которые ставили перед собой как Пушкин, так и Ницше

³ Бельй А. Фридрих Ницше / Ю. В. Синеокая // Ницше: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 879.

⁴ Труайя А. Александр Пушкин / А. Труайя. – СПб.: Амфора, 2015. – С. 64–65.

⁵ Холлингдейл Р. Дж. Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души / Р. Дж. Холлингдейл. – М.: Центрполиграф, 2004. – С. 36.

⁶ Труайя А. Александр Пушкин / А. Труайя. – СПб.: Амфора, 2015. – С. 67.

⁷ Холлингдейл Р. Дж. Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души / Р. Дж. Холлингдейл. – М.: Центрполиграф, 2004. – С. 37.

не могли быть решены в течение одной, хотя бы и весьма продолжительной жизни: требуется работа нескольких поколений, чтобы довести до полного воплощения начатое гениями и про- роками.

Следует также напомнить, что Ницше читал Пушкина и даже написал романсы на два его стихотворения («Заклинание» и «Зимний вечер» в немецком переводе). Правда, знакомство Ницше с Пушкиным, по имеющимся сведениям, ограничивалось сборником стихов в немецком переводе.⁸ Ницше был знаком и, по-видимому, солидарен с оценкой поэзии Пушкина, дан- ной П. Мериме: «О некоторых лирических стихотворениях Пушкина Мериме говорит, что они «эллинистичны благодаря правдивости и простоте, *très supérieurs pour la précision et la netteté* (весьма превосходны по точности и четкости)».⁹

Как поэт Пушкин стоит в одном ряду с Гомером, Софоклом, Данте, Шекспиром и Гете. Но Пушкин также и мыслитель, философ, причем этот титул подобает ему ничуть не в мень- шей степени, чем Толстому и Достоевскому: «Пушкин – великий мыслитель, мудрец, – с этим, кажется, согласились бы немногие даже из самых пламенных и суеверных его поклонников. Все говорят о народности, о простоте и ясности Пушкина, но до сих пор никто, кроме Достоевского, не делал даже попытки найти в поэзии Пушкина стройное мировоззрение, великую мысль».¹⁰ Поэт не писал философских трактатов и не включал в свои художественные произве- дения длинные философские рассуждения на манер Л. Н. Толстого. Но его философское воз- зрение органично воплощено в стихах, поэмах, драматических и прозаических произведениях. Пушкин философствует посредством художественных образов. И причина того, что эта (соб- ственно пушкинская) философия часто оставалась вообще не замеченной, кроется в том, что в данном случае речь идет никак не о художественном перепеве каких-либо уже известных идей. Можно, конечно, найти в пушкинских произведениях воззрения и античных скептиков, стои- ков и эпикурейцев, взгляды атеистов и деистов эпохи Просвещения. Но у Пушкина есть своя философия, которая не сводится к каким-либо известным в те времена течениям и направле- ниям. Это философия творческого утверждения жизни во всех ее проявлениях, философия созидательной воли, воли, открывающей новые горизонты существования человека, создающая совершенно новый тип (образ) человека. Именно об этой философии уже после Пушкина заго- ворит на немецком языке Ницше и так же, как и Пушкин, не будет услышан современниками: «Последний [К. Шпиттелер. – В. Ф.] трактовал, например, моего Заратустру как «высшего рода упражнение в слоге» и желал, чтобы впредь я все-таки заботился и о содержании».¹¹ Следует ли напоминать, сколь часто и в адрес Пушкина делались замечания подобного рода?

Ницше в качестве философа брался за решение наиболее «спекулятивных» проблем бытия и становления, бытия и мышления. В этом плане он стоит в одном ряду с такими мыслителями, как И. Кант и Г. В. Ф. Гегель. И одновременно Ницше – философ жизни – причем не только в узком смысле направления, возникшего, в том числе, под его влиянием. Для Ницше жизнь и философия не были разделены: его философия была не родом профессиональной дея- тельности, но экспериментом над самим собой и своей жизнью.

Ницше не только философ, но и поэт. Его перу принадлежат стихотворения, часть из которых издавалась в составе его философских сочинений, часть – предназначалась для печати отдельным сборником. В сохранившихся и опубликованных посмертно черновиках и наброс- ках представлено большое количество стихотворных текстов, по-видимому, не предназначав- шихся для издания или не изданных по каким-либо причинам.

Вот одно из поэтических произведений Ницше:

⁸ Азадовский К. М. Русские в «Архиве Ницше» // Фридрих Ницше и философия в России. – СПб.: РХГИ, 1999. С. 109–129.

⁹ Ницше Ф. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 11 / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2012. – С. 244.

¹⁰ Мережковский Д. С. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. – СПб.: Наука, 2007. – С. 230.

¹¹ Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифи- рамбы. Ницше contra Вагнер / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 224.

В юности, в светлую ночь
раз на мосту я стоял.
Издали слышалось пенье;
словно по влаге дрожащей
капли златые текли.
Гондолы, факелы, музыка —
В сумерках все расплывалось...

Звуками теми втайне задеты, струны души зазвенели, отозвалась гондольеру, дрогнув от яркого счастья, душа.

– Услышал ли кто ее песнь?¹²

А вот стихотворение Пушкина, близкое по тематике и по духу:

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальных умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отрыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

Но Ницше не только философ и поэт, он еще и *философ-поэт*. И дело не только в том, что центральное произведение философа – «Так говорил Заратустра» – представляет собой шедевр немецкой поэзии (шедевр, практически не поддающийся адекватному переводу на другие языки – подобно поэтическим текстам Пушкина). Для Ницше поэзия, как и философия, – не род занятий, но способ бытия, точнее говоря, – поэзия (как и искусство в целом) и есть воля к власти как воля к созиданию жизненных перспектив, к организации хаоса и творческому утверждению существования. «Мы же хотим быть поэтами нашей жизни, и прежде всего в самом мелком и обыденном!» – такой завет дает нам Ницше.¹³ И в этом плане Ницше родственен Пушкину с его пониманием значения поэзии и поэта.

Пушкину и Ницше суждено будет встретиться уже после своей физической смерти в начале XX столетия. И местом этой встречи будет Россия. Поэты Серебряного века, выросшие на Пушкине, с детских лет впитавшие его в свою плоть и кровь, прошедшие его школу, станут впоследствии одними из первых русских учеников и последователей Ницше. Их творчество положит начало длительному процессу взаимного усвоения и синтеза мудрости русского поэта и немецкого философа. Результатом этого пути станет новое Возрождение, которое состоится в русской культуре.

---

¹² Там же. С. 217.

¹³ Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идилии. Веселая наука / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2014. – С. 494.

Пушкин и Ницше встречаются и на страницах этой книги, посвященной идее вечного возвращения в русской поэзии «золотого» и «серебряного» веков.

Вечное возвращение – не просто идея, но продукт переживания, опыта. «Я шел в этот день поверху лесом вдоль озера Сильваплана; у могучего, пирамидально нагроможденного блока камней, недалеко от Сурляя, я остановился. Там-то и пришла мне эта мысль».¹⁴ Многие в этом опыте есть игра возобновления – возобновления того, что было раньше. Установка, воля к тому, чтобы повторилось то, что было, а именно – опыт, переживание, впечатление. Повторяется уже сам опыт возобновления, воспоминания. Это уже возобновление возобновления, воспоминание воспоминания. Но сюда неизбежно добавляется и различие – новый опыт как результат (и условие) «возобновления возобновления». Повторение и различие. Или – память и воображение, творческая память. Этот опыт конституируется двойным горизонтом. С одной стороны, это горизонт воспоминания, возобновления: «снова здесь», «всё, как когда-то». С другой стороны – это ускользание, неизбежная конечность. Ощущение, что рано или поздно пребывание *здесь* закончится. Чтобы потом вернуться *снова* – и всё вспомнить, пережить *то же самое*, но *заново*, ещё раз. Оба горизонта предполагают друг друга, это двойной горизонт ускользания-возобновления. Если бы не было горизонта ускользания, не было бы возможно и возобновление, «снова». Вместо этого было бы одинаковое «теперь», которое и не ускользает и не возобновляется, но всегда длится и пребывает.

* * *

У солнца научился я этому, когда закатывается оно, богатейшее светило: золото сыплет оно в море из неистощимых сокровищниц своих, –

– так что даже беднейший рыбак гребет золотым веслом! Ибо это видел я однажды, и, пока я смотрел, слезы, не переставая, текли из моих глаз. (Ницше Ф. Так говорил Заратустра).

* * *

Часть материала, входящего в состав данного исследования, была предварительно опубликована в виде отдельных статей. Для настоящей книги все тексты исправлены, уточнены, дополнены и переработаны. Автор выражает благодарность своей жене Наталье за помощь в вычитке и корректуре работы.

---

¹⁴ Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 251.

Введение

Идея вечного возвращения в поэзии: от Ницше к Пушкину

Фридрих Ницше придавал чрезвычайную значимость идее вечного возвращения (die ewige Wiederkunft). Однако если посмотреть, какой объем изложение данной идеи занимает в опубликованных самим философом текстах, то можно обнаружить парадоксальную вещь. Идея вечного возвращения заявлена в одном (только в одном!) фрагменте из «Веселой науки» и представлена на нескольких страницах «Так говорил Заратустра». И больше нигде. Мысль, с помощью которой Ницше рассчитывал изменить судьбу человечества, разработана самим философом в катастрофически малом объеме (так что дошедшие до нас фрагменты сочинений Гераклита в совокупности превосходят то, что было самим Ницше опубликовано по проблеме вечного возвращения). На этом фоне разительный контраст составляет количество исследований по данной теме, принадлежащих перу наиболее авторитетных мыслителей XX столетия, таких как М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж. Делёз, А. Данто, Ф. Юнгер, К. Лёвит. Такой объем исследований и интерпретаций не может быть основан на тех нескольких страницах, которые Ницше выделил под данную идею в своих основных сочинениях. Настоящим источником рецепции учения о вечном возвращении служат материалы чернового наследия философа. Здесь этой идее посвящено большое количество фрагментов разных лет. Именно в черновиках Ницше обстоятельно разрабатывает онтологический, аксиологический, этический и эстетический аспекты названного учения.

1. Философские аспекты идеи вечного возвращения

Основная особенность идеи вечного возвращения состоит в ее амбивалентном, внутренне противоречивом характере. Эта идея содержит противоположные и взаимоисключающие установки. Причем соединение этих антиномичных аспектов не носит диалектического характера: снятия и синтеза противоречий не происходит. Для стиля философствования Ницше характерно сознательное утверждение неразрешенных противоречий. В учении о вечном возвращении эта специфическая черта ницшевского мышления проявилась в полной мере.

1) Космологический и антропологический аспекты учения

Идея вечного возвращения одновременно является попыткой осмыслить бытие мира во времени и поиском новых ориентиров существования человека в мире. Как таковое ницшевское учение относится сразу к области онтологии и этики, космологии и философии человека. Данный момент был выявлен К. Лёвитом: «притчу о вечном возвращении можно уподобить чему-то двойственному: с одной стороны, некоему «этическому центру тяжести», благодаря которому ставшее бесцельным человеческое существование снова получает цель за своими собственными пределами, а с другой – естественнонаучному «факту» в бесцельной самодостаточности мира сил».¹⁵

В одном случае речь идет о выявлении фундаментальных законов мироздания: в бесконечном времени в этом мире все повторяется бесконечное число раз. В другом случае акценты смещаются с онтологии и космологии на человеческую экзистенцию: Ницше дает человеку новый императив, который будет определять не знание о бытии мира как такового, но его способ существования в мире. К. Лёвит показал, что в каждом из этих аспектов учение о вечном возвращении приобретает противоположный смысл. Космологический аспект утверждает фундаментальную бессмысленность существования: если в конечном итоге все повторяется и не происходит никаких изменений, то бытие не имеет смысла. В существовании ничего не достигается, ничего не искупается, в вечности времени все остается так, как есть. Напротив, антропологический аспект дает человеческой экзистенции «новый центр тяжести», получающий свое выражение в императиве: поступай каждый раз так, чтобы ты мог желать бесконечного повторения каждого момента своей жизни. Если в первом случае постулируется абсолютная бессмысленность и бесцельность бытия, то здесь, наоборот, существование наделяется новым всеобъемлющим смыслом: «Ницшеанские высшие типы, как мы уже видели, должны пройти через периоды величайших личных подъемов и мучений для того, чтобы исполнить свой возвышенный потенциал. Однако решающая фаза в этих страданиях наступает только после того, как они осмеливаются встретиться лицом к лицу с устрашающим гипотетическим выбором: будь у них возможность заново прожить жизнь вновь и вновь бесконечное число раз, сделали бы они то же самое без колебаний и с радостью, зная, что все, что было в прошлом, повторится вновь и вновь в неизменности? Иными словами, хватило бы у них силы духа полюбить перспективу постоянного повторения горестей, унижений и поражений прошлого наряду с моментами радости и победы? Если они смогут вынести такую перспективу, то становятся истинно любящими судьбу – в ницшевском смысле *amor fati* – и обретают «высшую форму утверждения». А тем самым они присоединяются к рангу немногих, кто способен к тому, что Заратустра называет «огромное, безграничное Да и Аминь»».¹⁶

---

¹⁵ Лёвит К. Ницшевская философия вечного возвращения того же / К. Лёвит. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 98.

¹⁶ Антель Ф. Ницше против демократии / Ф. Анпель. – СПб.: Наука, 2016. – С. 151.

Для автора приведенного выше фрагмента учение о вечном возвращении является лишь «мысленным экспериментом». Однако и онтологический аспект нельзя сбрасывать со счетов, поскольку сам Ницше разрабатывал его в черновых набросках.

Онтологический аспект идеи вечного возвращения, в свою очередь, распадается на два антиномичных момента. Ницше стремится избежать спекулятивного, метафизического истолкования данной идеи. Он пытается представить свое учение в качестве естественнонаучного факта, апеллирует к достижениям современной ему физики и математики, хочет научно доказать положение о вечном возврате то же самого. Но доказать подобное учение методами физики и математики невозможно – и Ницше в конце концов это осознал. Физика терпит поражение, и идея вечного возвращения вновь оказывается в сфере спекулятивной метафизики.

Нетрудно увидеть в этих аспектах ницшевского учения основную дилемму кантовской философии. Невозможность научного разрешения метафизических вопросов приводит к переводу онтологии в этику: «Критика чистого разума» разрешается «Критикой практического разума». Мысль Ницше проходит аналогичный путь: физика и метафизика растворяются в этике. Вместе с тем космологический аспект ницшевской идеи не нейтрализуется полностью, но сохраняет свою значимость наряду с антропологическим. Учение о вечном возвращении существует в напряжении, образуемом этими двумя полюсами философской мысли.

2) *Метафизический и постметафизический характер учения*

Споры о преодолении в философии Ницше метафизики не утихают до сих пор. М. Хайдеггер определяет учение Ницше в качестве сугубо метафизического: как завершение европейской метафизики.¹⁷ Вместе с тем следует признать, что, несмотря на все колоссальные усилия, направленные на преодоление метафизики, сам Хайдеггер все же остается в рамках метафизического способа философствования. По-другому не могло и быть, поскольку в своей фундаментальной онтологии он исходит из возобновления древнего вопроса о бытии. Экзистенциальную аналитику Хайдеггер разрабатывает только в качестве вспомогательного раздела для получения доступа к *бытию как таковому*. Бытие как таковое, бытие как «простое многообразное» всегда будет оставаться сугубо метафизическим концептом – даже при условии осуществленного Хайдеггером «понимания» бытия из горизонта временности *Dasein*. Само *Dasein* является метафизическим концептом, поскольку представляет собой способ «разомкнутости» *Sein* (бытия). Действительный выход за пределы метафизики возможен при условии радикальной деонтологизации *Dasein* и «бытия как такового». Пути подлинного преодоления метафизического способа философствования намечены Ф. Ницше, в учении которого осуществляется попытка вывода философии за пределы метафизического по существу круга вопросов о бытии как таковом.

Тем не менее, проблема отношения философии Ницше к метафизике не имеет однозначного решения. И идея вечного возвращения является одновременно метафизической и постметафизической. С одной стороны, Ницше ставит вопрос о бытии сущего в целом, он говорит о таких вещах, которые заведомо превосходят возможности человеческого опыта (в кантовском смысле данного термина). В этом отношении следует признать, по крайней мере, частичную справедливость позиции Хайдеггера и его многочисленных последователей. Но, с другой стороны, именно в идее вечного возвращения трансцендентное (как исконная и неотъемлемая сфера метафизики) терпит радикальное поражение. Именно в этом учении Ницше осуществляет перенос онтологического и экзистенциального «центра тяжести» с потустороннего и сверхчувственного на имманентное. При этом имманентное не остается в прежнем своем статусе «негатива» трансцендентного. В учении о вечном возвращении имманентное преоб-

¹⁷ Хайдеггер М. Ницше. Т. 2 / М. Хайдеггер. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – 440 с.

разуется, оно перестает мыслиться как сфера лишь конечного, ограниченного и кажущегося, неистинного бытия. Вечность начинает раскрываться в самом имманентном, которое при этом не утрачивает и своего конечного, временного характера. Поэтому в корне неверно трактовать учение Ницше как «перевернутый платонизм». У Ницше стираются границы между конечным и бесконечным, временным и вневременным, имманентным и трансцендентным.

Таким образом, выдвигая идею вечного возвращения, Ницше одновременно и остается в рамках метафизического способа постановки вопросов и совершает прорыв к постметафизической философии, открывая принципиально новые горизонты философской мысли. По этой причине философия Ницше в XX столетии могла привлекать сразу и остающегося верным метафизике и трансценденции К. Ясперса, и бескомпромиссного борца со всякой метафизикой Ж. Делёза.

3) *Тождество и различие как двойной горизонт учения*

На одном уровне идея вечного возвращения актуализирует тождество, на другом – полагает различие.

Первый уровень может быть назван экзотерическим. Большинству читателей и интерпретаторов идея ницшевская вечного возвращения известна именно как утверждение бесконечного повторения того же самого. В значительной части высказываний самого Ницше на эту тему (особенно в «Веселой науке» и «Заратустре») говорится именно о возвращении того же самого.

Однако в черновых заметках мы встречаемся и с принципиально иным пониманием: «Нужно хотеть исчезнуть, чтобы снова возникнуть – перейти из одного дня в другой. *Превращение* через тысячи душ – вот что должно быть твоей жизнью, твоей судьбой. И в конце концов – снова пожелать пройти все это!». ¹⁸ Перевод последнего предложения не точен. В оригинале: «Man muß vergehen wollen, um wieder entstehen zu können – von einem Tage zum anderen. Verwandlung durch hundert Seelen – das sei dein Leben, dein Schicksal. Und dann zuletzt: diese ganze Reihe noch einmal wollen!». ¹⁹ У Ницше написано не «все это», но «diese ganze Reihe» – весь этот ряд. Ряд образуется превращением через тысячи душ (Verwandlung durch hundert Seelen), представляет собой процесс саморазличения, утраты собственной идентичности, отказа от тождества и утверждения различия. Вечному возобновлению подлежит именно ряд, образованный различием, а вовсе не тождество собственной личности и породивших ее обстоятельств. Данный аспект учения о вечном возвращении является наиболее сложным и малоизвестным. Эта экзотерическая сторона ницшевской идеи получит позднее разработку в книге Ж. Делёза «Различие и повторение».

Идея прохождения сквозь тысячи душ неоднократно высказывалась Ницше и в опубликованных им работах. Однако ее связь с учением о вечном возвращении не всегда была представлена эксплицитно. Так, в «Веселой науке» говорится о тех, «чья душа жаждет пережить во всем объеме прежние ценности и устремления и обогнуть все берега этого идеального «средиземноморья», кто ищет из приключений сокровеннейшего опыта узнать, каково на душе у завоевателя и первопроходца идеала, равным образом у художника, у святого, у законодателя, у мудреца, у ученого, у благочестивого, у предсказателя, у пустынножителя старого стиля». ²⁰

¹⁸ Ницше Ф. Черновики и наброски 1882–1884 гг. / Ф. Ницше // Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 10. – М.: Культурная революция, 2010. – С. 181.

¹⁹ Nietzsche F. Posthumous Fragments [5 = Z I 2a. Mp XV 3a. November 1882 – Februar 1883] // Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Briefe [Электронный ресурс]: Nietzsche Source. URL: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/NF-1882,5>.

²⁰ Ницше Ф. Веселая наука («la gaya scienza») / Ф. Ницше // Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идилии. Веселая наука. – М.: Культурная революция, 2014. – С. 581.

Поиск и желание всего этого, стремление к утверждению ряда различных состояний и есть воля к вечному возвращению. Такая воля далека от упрямого хотения во что бы то ни стало сохранить свою ограниченную личность, которая является лишь искусственным и фиктивным образованием. Позиция Ницше ближе к евангельскому высказыванию: «Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин 12:25). Ницше говорит: «Man muß vergehen wollen». Тем не менее, повторение того же самого также присутствует в учении о вечном возвращении и составляет, по крайней мере, его поверхностный момент.

4) Возрождение античного учения и «новое слово» Ницше

Истоки ницшевского учения о вечном возвращении, как правило, находят в античности. На этом основании оригинальность высказываемых Ницше идей может быть подвергнута сомнению или полному отрицанию. Философ не сказал ничего нового, но лишь повторил и возобновил то, что было известно за несколько столетий до него. Существует и прямо противоположный взгляд на проблему, согласно которому идея вечного возвращения для античного мировоззрения в принципе не характерна. Грекам и римлянам была близка идея циклического устройства времени и истории, но это совсем не аналог ницшевского учения о повторении того же самого. В циклической модели времени утверждается повторение некоего универсального порядка бытия сущего, принципов его организации. Ницше же говорит о повторении не сущности, но именно сущего. Сам термин «вечное возвращение того же» принадлежит Ницше.²¹

Как и в рассмотренных выше случаях, вопрос о степени укорененности ницшевской идеи вечного возвращения в античных представлениях не имеет однозначного решения. Представления о повторяемости, цикличности времени и истории, безусловно, носят архетипический характер.²² Как филолог-классик Ницше был знаком со многими античными источниками, дух греческой культуры был им глубоко прочувствован и осмыслен. Опыт античности сыграл значимую роль в формировании учения Ницше. Вместе с тем не следует забывать, что для философа не менее значимым был и опыт христианского мировосприятия. Идея вечного возвращения не является в данном случае простой антитезой к христианскому эсхатологическому и линейному пониманию времени: если бы все ограничивалось только этим, Ницше действительно не сказал бы ничего нового. Но в ницшевском учении есть достаточно сильный евангельский элемент: мотив принятия судьбы, утверждение существования во всех его проявлениях, отказ от осуждения и возмездия. Подобное понимание «благой вести» было изложено Ницше в его «Антихристе», направленном, главным образом, против истолкования христианского учения апостолом Павлом.

В общем и целом, можно сказать, что в ницшевском учении о вечном возвращении мы имеем достаточно сложное переплетение древних мифических, христианских, философских и научных воззрений. Сам Ницше в своих черновиках разрабатывает различные, нередко взаимоисключающие аспекты идеи вечного возвращения. Отсюда следует, что нет возможности ни редуцировать эту идею к античным источникам, ни осуществить ее полное дистанцирование от древней мысли, не допустив при этом существенных искажений.

²¹ Бакусов В. М. «Вечное возвращение» и античность / К. Лёвит // Ницшевская философия вечного возвращения того же. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 302.

²² См.: Элиаде М. Миф о вечном возвращении / М. Элиаде. – М.: Ладомир, 2000. – 414 с.

5) Мифический и философский аспекты учения

В учении о вечном возвращении Ницше выступает одновременно и как философ и как творец мифов. В «Так говорил Заратустра» вечное возвращение – это миф, который должен изменить сознание и экзистенцию тех, кто найдет в себе силы и решимость положить его в основу своего существования. Онтология и гносеология здесь не имеют решающего значения: вопросам бытия и познания Заратустра не уделяет особого внимания. Он не доказывает, он создает новые ценности. Однако утверждение, что идея вечного возвращения есть *только* миф, будет в корне ошибочным. В черновых заметках Ницше выступает именно как философ, учение о вечном возвращении он связывает с сугубо философскими проблемами бытия и становления, ценности и морали. Например, в заметках 1883–1884 годов мы читаем: «обе великие (найденные немцами) философские точки зрения *становления, развития ценности бытия* (однако нужно сначала преодолеть жалкую форму немецкого пессимизма!)

соединены мной *решающим* образом

все становится и вечно возвращается

– *ускользнуть невозможно!*».²³

Из приведенного фрагмента видно, что Ницше мыслит идею вечного возвращения в контексте проблематики немецкой философии. Попытки резко противопоставить Ницше Канту и Гегелю и рассматривать его исключительно в качестве создателя мифов являются следствием плохого знания текстов наследия философа и отсутствия навыков внимательного чтения. Более адекватным будет положение, что в учении о вечном возвращении миф и философия переплетаются самым тесным образом.

6) Новая надежда и «величайшая тяжесть»

Идея вечного возвращения является одновременно благословением и проклятием, радостной вестью и смертоносным учением. Эта идея представляет собой высшее утверждение существования, величайшее «Да» жизни; и одновременно она содержит в себе нигилистический аспект, лишаящий существование всякого смысла. Только поверхностные умы и чуждые рефлексии гедонисты могут не задумываясь «принять» идею вечного возвращения. Для них эта идея будет обеспечивать возможность предаваться своим мелким и пошлым развлечениям с чистой совестью. Но Ницше неоднократно предупреждал подобные искажения своей философии: «однако я хочу огородить свои мысли и даже свои слова, чтобы не вторглись в мои сады свиньи и гуляки!».²⁴ Вечное возвращение означает волю к утверждению всех моментов существования: возобновлению подлежат и радость и страдание, и счастье и боль: «Говорили вы Да какой-нибудь радости? О друзья мои, тогда вы говорили Да и *всякой* скорби. Все сцеплено, нанизано, влюблено одно в другое».²⁵ Но не это больше всего страшит Заратустру в вечном возвращении. «Вечно он возвращается, человек, маленький человек, от которого устал ты» – так зевала моя печаль, и волочила ноги, и не могла заснуть».²⁶ Возвращается все, в том числе и ничтожество «последнего человека». По этой причине учение о вечном возвращении способно

---

²³ Ницше Ф. Черновики и наброски 1882–1884 гг. / Ф. Ницше // Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 10. – М.: Культурная революция, 2010. – С. 549.

²⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше // Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. – М.: Культурная революция, 2007. – С. 194.

²⁵ Там же. С. 326.

²⁶ Там же. С. 223.

вызвать не только радость, но и величайшее отвращение к жизни. Вечное возвращение отрицает телеологический характер существования и утверждает игру случая.

7) *Wiederkunft u Wiederkehr*

Фридрих Юнгер разграничивает в качестве двух аспектов идеи вечного возвращения *Wiederkunft* и *Wiederkehr*.²⁷ *Wiederkunft* представляет собой воспроизведение царящей в существовании закономерности, повторение самого существования. Возвращение здесь носит характер некой принудительной силы, фундаментального закона мироздания, которого никто и ничто не в силах избежать. Напротив, *Wiederkehr* есть праздник (*das Fest*). «Im Wesen dieses Festes liegt, daß nicht ein Geschehen gefeiert wird, sondern das Wiederkehren dieses Geschehens; die Wiederkehr selbst ist das Fest».²⁸ («В сущности этого праздника заложено, что торжествуется не само событие, но возвращение этого события; возвращение само есть праздник».) Вечное возвращение как праздник, *Wiederkehr*, в отличие от *Wiederkunft*, избавляет существование от его принудительного характера. Праздник – это дионисийские мистерии, это карнавал, это трансгрессия. Здесь мы сталкиваемся с фундаментальным для неклассической философии различием между субстанцией и функцией. Как отмечает М. М. Бахтин: «Карнавал торжествует самую смену, самый процесс сменяемости, а не то, что именно сменяется. Карнавал, так сказать, функционален, а не субстанционален. Он ничего не абсолютизирует, а провозглашает веселую относительность всего».²⁹ *Wiederkehr* представляет собой именно утверждение возвращения и повторения в качестве функции, а не в качестве субстанции. Это также утверждение становления и понимания бытия в качестве становления. «Придать становлению характер бытия – вот в чем проявляется высочайшая *воля к власти* (*Dem Werden den Charakter des Seins aufzuprägen – das ist der höchste Wille zur Macht*)».³⁰ *Что все возвращается* – это наиболее тесное приближение мира становления к миру бытия: вершина созерцания».³¹

Таким образом, идея вечного возвращения внутренне амбивалентна: она содержит и жизнеутверждающий и отрицающий, нигилистический аспекты. Отделить одно от другого нет возможности: только тот, кто пережил весь ужас этой «бездонной мысли», тот, кто смог преодолеть отвращение, ей вызываемое, может достичь высочайшего утверждения жизни.

Учение о вечном возвращении может быть адекватно воспринято только при условии удержания противоречивого сочетания различных аспектов. Изолирование и абсолютизация одного из моментов приводит к ошибке догматизации или релятивизации. Так, сведение учения к космологическому аспекту порождает догматическую онтологию, претендующую на вынесение окончательных суждений об устройстве мироздания. Вместе с тем абсолютизация экзистенциального аспекта приводит к релятивизации учения.

Идея вечного возвращения не высказывает ничего о мире, а все содержание учения сводится к проблеме поиска ориентиров в существовании человека. В этом случае нам пришлось бы выбросить все те многочисленные фрагменты, в которых философ разрабатывает онтологические и космологические аспекты идеи. Подобное избирательное прочтение наследия Ницше не является перспективным, как показал опыт с изданием «Воли к власти».

²⁷ Jünger F. G. Gedächtnis und Erinnerung / F. G. Jünger. – Frankfurt a. M.: Klostermann, 1957. – S. 111–113.

²⁸ Ibid. S. 113.

²⁹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – С. 144.

³⁰ Nietzsche F. [7 = Mr XVII 3b. Ende 1886 – Frühjahr 1887] // Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Briefe [Электронный ресурс]: Nietzsche Source. URL: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/NF-1886,7>.

³¹ Ницше Ф. Черновики и наброски 1885–1887 гг. / Ф. Ницше // Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 12. – М.: Культурная революция, 2005. – С. 287.

2. Идея вечного возвращения в художественной прозе

Как было показано выше, идея, которой Ницше придавал столь большое значение, является одновременно и старой и новой. Она архетипична – и в этом плане ее следы могут быть обнаружены не только в мифах, но и в литературе. Мы приведем несколько примеров присутствия идеи вечного возвращения в художественной прозе.

1) Генрих Гейне

В. В. Петров указывает на отрывок из Дополнений к «Путевым картинам» Г. Гейне как на один из источников идеи вечного возвращения Ницше: «Ибо время бесконечно, но вещи во времени, конкретные тела, – конечны. Они, в самом деле, могут распадаться на мельчайшие частицы, но число этих частиц, атомов, ограничено, как ограничено число комбинаций, которые сами собой из них образуются. Так что, сколь бы долгое время ни минуло, согласно вечным законам, управляющим комбинациями этой вечной игры в повторение, все конфигурации уже существовавшие на этой земле должны будут снова встретить, привлечь, оттолкнуть, поцеловать и разложить друг друга... А потому настанет день, и снова родится мужчина точь-в-точь как я, и родится женщина точь-в-точь как Мария, – надеюсь, правда, что в голове у мужчины будет меньше глупостей, – они встретятся в лучшей стране и будут долго смотреть друг на друга, а женщина наконец подаст руку мужчине и нежно скажет: *Так будем же добрыми друзьями*». ³² В. В. Петров отмечает, что соответствующая книга находилась в библиотеке Ницше. Из данного отрывка видно, что, как минимум, космологический аспект идеи вечного возвращения был известен в немецкой литературе до Ницше.

2) Ф. М. Достоевский

Космологический аспект идеи вечного возвращения представлен также в знаменитой сцене беседы Ивана Карамазова с чертом: «Да ведь теперешняя земля, может, сама-то биллион раз повторялась; ну, отживала, леденела, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составные начала, опять вода, я же бе над твердию, потом опять комета, опять солнце, опять из солнца земля – ведь это развитие, может, уже бесконечно раз повторяется, и все в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая...». ³³ Черт Ивана Карамазова утверждает, что повторение будет точь-в-точь «до черточки». Томас Манн даже высказывал предположение, что идея вечного возвращения у Ницше есть результат чтения им Достоевского. ³⁴ Однако здесь же немецкий писатель говорит о возможной ошибочности своего предположения и настаивает только на параллелизме идей двух авторов. Ницше познакомился с творчеством Достоевского лишь в 1887 году, причем «Братьев Карамазовых» философ, скорее всего, вообще не читал. Так что в данном случае, действительно, можно говорить только о «конгениальности братьев по духу», но не о прямом влиянии Достоевского на Ницше. Анализ идеи вечного возвращения у Достоевского и Ницше представлен в работе Д. И. Чижевского, к которой мы и отсылаем читателя. ³⁵

3) Л. Н. Толстой

В «Войне и мире» идея вечного возвращения представлена уже в антропологическом, экзистенциальном аспекте: «Говорят: несчастья, страдания, – сказал Пьер. – Да ежели бы сейчас, сию минуту мне сказали: хочешь оставаться, чем ты был до плена, или сначала пережить все это? Ради бога, ещё раз плен и лошадиное мясо. Мы думаем, как нас выкинут из привыч-

³² Петров В. В. Фридрих Ницше и вечное возвращение // Мера вещей. Человек в истории европейской мысли / ред. Г. В. Вдовина. – М.: Аквилон, 2015. – С. 789.

³³ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 1998. – С. 661.

³⁴ Манн Т. Путь на Волшебную гору / Т. Манн. – М.: Вагриус, 2008. – С. 250.

³⁵ Чижевский Д. И. Достоевский и Ницше. Учение о вечном возвращении / Д.И. Чижевский // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2012. – Том 13. Выпуск 2. – С. 132–145.

ной дорожки, что все пропало; а тут только начинается новое, хорошее. Пока есть жизнь, есть и счастье. Впереди много, много. Это я вам говорю, – сказал он, обращаясь к Наташе. – Да, да, – сказала она, отвечая на совсем другое, – и я ничего бы не желала, как только пережить все сначала».³⁶ Пьер и Наташа здесь фактически отвечают на основной экзистенциальный вопрос, сформулированный Ницше: «*willst du dies noch einmal und noch unzählige Male?*».³⁷ Оба героя дают утвердительный ответ: они хотят пережить все еще раз, всю жизнь со всеми ее страданиями.

Примеры можно было бы умножить. Так, в «Книге джунглей» Каа говорит: «Что есть, уже было. Все, что будет, только возвращение забытого года».³⁸ В «Повести о Ходже Насреддине» представлена идея вечного круговорота: «Он жил в родстве со всем огромным миром вокруг, всегда чувствуя свою с ним нераздельность, как будто бы сознавая, что эфир, из которого состоит все в мире, – един, и беспрерывно переливается, и никакая частица его не принадлежит никому постоянно: от солнца переходит она ко шмелю, от шмеля – к облаку, от облака – к ветру или воде, от воды – к птице, от птицы – к человеку, с тем чтобы от человека устремиться дальше, в свое вечное круговращение. Вот почему так легко было маленькому Насреддину понимать и шмеля, и ветер, и солнце, и ласточку: он сам был ими всеми понемногу. То великое благо слитности с миром, которое дается только мудрецам, да и то лишь под старость, как высший венец их трудов и усилий, – ему, избранному сыну Жизни, было дано от рождения».³⁹

Идея вечного возвращения в различных своих аспектах представлена в художественной литературе. Ницше, однако, не просто воспроизводит уже существующую мысль, но осуществляет философскую разработку данной идеи. Создание *философии* вечного возвращения, осмысление идеи на онтологическом, этическом и экзистенциальном уровнях – заслуга Ницше, который с полным правом может быть назван философом вечного возвращения. Но Ницше не только философ, но еще и поэт. И идея вечного возвращения является не только философской и не только мифической, но также и поэтической.

³⁶ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 4 / Л. Н. Толстой. – М.: Просвещение, 1981. – С. 170. На связь данного фрагмента с ницшевской идеей вечного возвращения указывает Н. А. Балаклеец: Балаклеец Н. А. Время войны в романе Л. Толстого «Война и мир» / Н. А. Балаклеец // РОДНОЕ И ВСЕЛЕНСКОЕ: мировое значение русской литературы. Философские, идейно-эстетические традиции, национальное своеобразие. Вып. 4: сборник научных трудов. – Ульяновск: Печатный двор, 2016. – С. 52.

³⁷ Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft / F. Nietzsche. – Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012. – S. 237.

³⁸ Киплинг Р. Книга джунглей. Свет погас. Рассказы / Р. Киплинг. – М.: АСТ, 2004. – С. 264.

³⁹ Соловьев Л. В. Повесть о Ходже Насреддине / Л. В. Соловьев. – СПб.; М.: Речь, 2017. – С. 424–425.

3. Идея вечного возвращения в поэзии

В художественной прозе вечное возвращение представлено преимущественно в качестве темы, идеи, высказываемой персонажем или автором-повествователем. В поэзии вечное возвращение охватывает не только идейно-содержательный пласт, но распространяется на ритмический и фонический уровень организации поэтического текста. Более того: вечное возвращение составляет самый нерв поэтического. Представления о вечном возвращении первоначально возникают не в философских учениях, но в мифах. А лирическая поэзия, как отмечает Ю. М. Лотман, является «наиболее «мифологичным» из жанров современного словесного искусства».⁴⁰ Поэтому наряду с мифом поэзия является одним из источников философской рефлексии идеи вечного возвращения. Перед философией поэзия имеет то преимущество, что она не ориентирована на дискурсивное мышление, не направлена на высказывание суждений, отвечающих критериям логики. Хотя Ницше и в своих философских текстах преодолевает ограничения формальной логики, тем не менее, одновременное утверждение двух и более противоположных позиций неизбежно воспринимается как противоречие, как антиномия. Поэзия освобождена от проблемы истинности и непротиворечивости суждений. Она порождает синтетические, многомерные и подвижные образы, в которых коннотация преобладает над денотативным пластом высказывания.

Фридрих Юнгер, мыслитель и поэт, на которого ницшевская идея вечного возвращения оказала неизгладимое влияние,⁴¹ пишет: «Всякая периодичность, всякий ритм, всякий метр предполагает возвращение».⁴² Он же указывает на закономерность и неизбежность возникновения идеи возвращения в философии Ницше: «Если утверждать волю без оговорок, ограничений и скидок, если она становится единственно действенным мировым процессом, то учение о вечном возвращении оказывается высшей формой утверждения, которую только можно придать становлению».⁴³ Утверждение становления, стремление придать становлению характер бытия, характер вечности – вот что составляет корень ницшевского учения. И этот же мотив составляет главную тайну поэзии. В духовном становлении человечества поэзия выступает в качестве среднего термина по отношению к мифическому сознанию и философской рефлексии. Она есть ступень в переходе от одного к другому, и она есть синкретическая форма, в которой оба феномена – миф и философия – еще не расчленены, еще не противопоставлены друг другу, но пребывают в единстве.

Осознание идеи вечного возвращения вызывает у Ницше всплеск поэтического творчества. Появляется «Так говорил Заратустра», книга, в которой поэзия и философия вновь оказываются в неразрывном единстве. Появляется венок из стихотворений, обрамляющих «Веселую науку». Утверждение становления как вечности и вечности как становления представлено в «Nach neuen Meeren»:

Dorthin – *will* ich; und ich traue
Mir fortan und meinem Griff.

Offen liegt das Meer, ins Blaue
Treibt mein Genuesser Schiff.

⁴⁰ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – СПб.: Азбука, 2014. – С. 230.

⁴¹ См.: Михайловский А. В. Поэт возвращения / Ф. Юнгер // Ницше. – М.: Праксис, 2001. – С. 7–54.

⁴² Там же. С. 174.

⁴³ Там же. С. 175.

Alles glänzt mir neu und neuer,
Mittag schläft auf Raum und Zeit —:
Nur *dein* Auge – ungeheuer
Blickt michs an, Unendlichkeit!⁴⁴

Вдаль – *хочу* я: и отныне
Только выбор мой со мной.
Мчится в пагубные сини
Генуэзский парус мой.

Все блестит мне быстротечно,
Полдень спит в объятьях дня —
Только глаз *твой*, бесконечность,
Жутко смотрит на меня!⁴⁵

В качестве философского учения идея вечного возвращения является одной из самых сложных. М. Хайдеггер и Ж. Делёз приложили все усилия, чтобы сделать ее еще сложнее. Однако в качестве поэтического мотива эта идея проста – в том смысле, в каком простота является свойством хорошей поэзии. Квинтэссенция этой идеи представлена в стихотворении «Sils-Maria». Здесь говорится не о самом вечном возвращении, но о том состоянии, которое является *одновременно* и источником возникновения этой идеи и результатом ее осознания и принятия. Достигается круг: начало становится итогом, змея кусает свой собственный хвост. Вот этот текст:

Hier saß ich, wartend, wartend, – doch auf nichts,
Jenseits von Gut und Böse, bald des Lichts
Genießend, bald des Schattens, ganz nur Spiel,
Ganz See, ganz Mittag, ganz Zeit ohne Ziel.
Da, plötzlich, Freundin! wurde eins zu zwei —
– Und Zarathustra ging an mir vorbei...⁴⁶

Я сидел в ожидании, и я не ждал ничего.
Я не думал ни о добре, ни о зле, но я радовался
Игре света и тени; я сидел под обаянием
Дня, озера, яркого солнца, жизни без цели.
И в этот миг внезапно нас стало двое —
Мимо меня прошел Заратустра.⁴⁷

Идея вечного возвращения не просто получает свое воплощение в поэтическом творчестве Ницше. Как мы уже отмечали выше, она составляет ключевой момент *структурного* уровня поэтических текстов как таковых. Многочисленные указания на этот счет даны в фундаментальных трудах Ю. М. Лотмана. Так, принцип возвращения является организующим моментом такого феномена, как рифма: «Механизм воздействия рифмы можно разложить на следующие процессы. Во-первых, рифма – повтор. Как уже неоднократно отмечалось в науке,

---

⁴⁴ Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft / F. Nietzsche. – Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012. – S. 315.

⁴⁵ Ницше Ф. Веселая наука («la gaya scienza») / Ф. Ницше // Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идилии. Веселая наука. – М.: Культурная революция, 2014. – С. 594.

⁴⁶ Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft / F. Nietzsche. – Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012. – S. 315–316.

⁴⁷ Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше / Д. Галеви, Е. Трубецкой // Фридрих Ницше. – М.: Эксмо, 2003. – С. 206.

рифма возвращает читателя к предшествующему тексту. Причем надо подчеркнуть, что подобное «возвращение» оживляет в сознании не только созвучие, но и значение первого из рифмующихся слов. Происходит нечто глубоко отличное от обычного языкового процесса передачи значений: вместо последовательной во времени цепочки сигналов, служащих цели определенной информации, – сложно построенный сигнал, имеющий пространственную природу – возвращение к уже воспринятому». ⁴⁸ Лотман не просто показывает, что возвращение составляет базисный принцип рифмы в поэтическом тексте. Он выявляет и еще более значимый момент, а именно, что возвращение в поэзии утверждает не только повтор и тождество, но и различие: «При этом оказывается, что уже раз воспринятые по общим законам языковых значений ряды словесных сигналов и отдельные слова (в данном случае – рифмы) при втором (не линейно-речевом, а структурно-художественном восприятии) получают новый смысл». ⁴⁹ Это принципиально важный момент. Возвращение как структурный принцип поэтического текста не есть монотонное повторение того же самого, но способ генерации новых смыслов. Каким бы парадоксальным ни выглядело это утверждение на первый взгляд, однако, согласно Лотману, повтор в поэзии актуализирует не тождество, но различие: «Одинаковые (то есть «повторяющиеся») элементы функционально не одинаковы, если занимают различные в структурном отношении позиции. Более того: поскольку именно одинаковые элементы обнажают структурное различие частей поэтического текста, делают его более явным, постольку бесспорно, что увеличение повторов приводит к увеличению семантического разнообразия, а не однообразия текста. Чем больше сходство, тем больше и разница. Повторение одинаковых частей обнажает структуру». ⁵⁰

Функцию артикуляции различия через повторение в поэзии выполняет не только рифма, но и ритм. «Ритмичность стиха – цикличное повторение разных элементов в одинаковых позициях, с тем чтобы приравнять неравное и раскрыть сходство в различном, или повторение одинакового, с тем чтобы раскрыть мнимый характер этой одинаковости, установить отличие в сходном». ⁵¹

Эти и другие положения позволяют Лотману сделать вывод, имеющий особую значимость для нашего исследования: «Универсальным структурным принципом поэтического произведения является принцип возвращения». ⁵²

⁴⁸ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – СПб.: Азбука, 2016. – С. 161.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 171.

⁵¹ Там же. С. 431.

⁵² Там же. С. 422.

4. Идея вечного возвращения в русской поэзии

В русской поэзии идея вечного возвращения представлена в двух вариантах. Во-первых, в качестве универсального и сквозного мотива, связанного с феноменами памяти и воспоминания, времени и становления. В данном случае идея вечного возвращения может быть раскрыта в творчестве А. С. Пушкина и других поэтов XIX столетия. Философские разработки Ницше здесь могут быть использованы в качестве концептуального горизонта, необходимого для экспликации в русской лирике идеи вечного возвращения как таковой. Учение Ницше позволяет посредством философской рефлексии проникнуть внутрь «стихов российских механизма», углубить понимание ряда основных мотивов отечественной поэзии.

Во-вторых, вечное возвращение представлено в качестве непосредственной отсылки к наследию Ницше – в стихах тех поэтов, которые знали произведения немецкого философа и испытали мощное влияние его идей. Речь идет о поэзии «серебряного века», прежде всего, о русском символизме.⁵³

Так, следующее стихотворение М. Волошина демонстрирует глубокий и нетривиальный уровень понимания и переживания ницшевской идеи вечного возвращения:

Сквозь сеть алмазную зазеленел восток.
Вдаль по земле, таинственной и строгой,
Лучатся тысячи тропинок и дорог.

---

⁵³ О влиянии Ницше на поэзию «серебряного века» и атмосферу русской культуры данного периода см., например: Философия жизни в русской литературе XXXXI веков: от жизнестроения к витальности: монография / Ю. М. Брюханова [и др.]; под. ред. И. И. Плехановой. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 485 с.; *Синеокая* Ю. В. Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше и философия в России: Сборник статей. – СПб.: РХГИ, 1999. – С. 7–34.; *Paperno I. Nietzscheanism and the return of Pushkin in twentieth century Russian culture* / I. Paperno // *Nietzsche and Soviet Culture: Ally and Adversary*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – pp. 211–232.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.